

V.K. Dmitriev

THE STRUCTURE OF SOME ATTRIBUTES OF LAW-BOUND STATE UNDER CONSTITUTION OF THE USA

Vladimir Dmitriev – a teaching assistant of financial and administrative law department, "Saint-Petersburg State University of Economics", Saint-Petersburg; **e-mail: vl-dmitriev@mail.ru**.

The study of practical experience of implementation of the rule of law principals as a constitutional value and category is a relevant matter in light of identifying a Russian model of integration of the rule of law theory into the state-building practices. It might be proven by the fact the "law-bound State" category has been included into Chapter 1 of the Constitution of the Russian Federation "The Fundamentals of the Constitutional System".

The article deals with the fundamental attributes and specifics of the law-bound state realized in the government mechanism of the USA on the basis of the U.S. Constitution adopted in 1787, and it examines the correlation of the said attributes with the classical theory of the Rule of Law state.

The institution of lobbying and special interests has been recognized with certain reservations to capture the spirit of the classical theory of the Rule of Law state. By means of historical and comparative and legal methods of research the author considers evolution and the present state of some attributes of the Rule of Law state in the U.S. He also examines the correlation of some categories of the rule of law state in the USA as well their interpretation and understanding in the writings of some British researchers.

Keywords: *the United State of America; the U.S. Constitution of 1787; a rule of law state; separation of powers; human rights; freedom.*

В.К. Дмитриев

КОНСТРУКЦИЯ НЕКОТОРЫХ АТТРИБУТОВ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА ПО КОНСТИТУЦИИ США

Владимир Константинович Дмитриев – ассистент кафедры финансового и административного права ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет», г. Санкт-Петербург; **e-mail: vl-dmitriev@mail.ru**.

Проблема рассмотрения практического опыта реализации правового государства как конституционной ценности и категории является актуальной в свете поиска в Российской Федерации модели воплощения теории правового государства в практике государственного строительства. Это подтверждается тем, что категория «правовое государство» помещена в гл. 1 Конституции Российской Федерации – «Основы конституционного строя».

В статье рассматриваются основные атрибуты правового государства, воплощенные в государственном механизме США на основании Конституции 1787 г., их специфика и соотношение с классической теорией правового государства. Институт лоббирования интересов с определенными оговорками признается соответствующим духу классической теории правового государства.

Используя исторический и сравнительно-правовой методы исследования, автор рассматривает вопрос эволюции и современного состояния в США отдельных атрибутов правового государства, оценивает соотношение отдельных категорий правового государства в США и их понимание в трудах ряда исследователей Великобритании.

Ключевые слова: *Соединенные Штаты Америки; Конституция США 1787 г.; правовое государство; разделение властей; права человека; свобода.*

Конституция Соединенных Штатов даментальные демократические свободы, Америки 1787 г. закрепила многие фун- получившие социальную и правовую ле-

гитимацию в современном мире. Категория «правовое государство» как таковая своего отражения по тексту Конституции США не нашла и найти не могла, так как само понятие «правовое государство» зародилось значительно позже, как принято считать, в немецкой юридической литературе 19 века [3. С. 78].

Следует также отметить некоторую специфичность построения текста Конституции США. Представляя собой относительно краткую конституцию, она излагается в семи пространственных статьях. Многие положения, связанные, например, с правами человека как одним из столпов правового государства, стали ее частью несколько (или значительно) позже. Как известно, они представляют собой поправки к Конституции США.

Указанное своеобразие не является препятствием для признания значимости этого документа для современного правового государства, рассматриваемого как конституционная ценность. Как отмечают ученые, многие важнейшие атрибуты правового государства (например, разделение властей, механизм сдержек и противовесов) были нормативно закреплены именно в Конституции США и конституциях североамериканских штатов [1. С. 108].

Преамбула к Декларации независимости США стала широко известна за их пределами как манифест свободы. Она может быть представлена как попытка формализовать категории «равенство» и «справедливость», осмыслить их в правовой плоскости: «Мы считаем самоочевидными истины: что все люди созданы равными и наделены Творцом определенными [врожденными и] неотъемлемыми правами, среди которых: право на жизнь, на свободу и стремление к счастью; что для обеспечения этих прав люди создают правительство, справедливая власть которых основывается на согласии управляемых; что, если какой-либо государственный строй нарушает эти права, то народ вправе изменить его или упразднить и создать новый строй, основанный на таких принципах и организующий управление в таких формах, которые должны наилучшим образом обеспечить безопасность и бла-

годенствие народа» [2. С. 34].

При рассмотрении норм Конституции США с точки зрения современной юридической науки обнаруживается значительный акцент конституционного текста на такой атрибут правового государства, как разделение властей.

Согласно Конституции США система органов государственной власти построена по конкурентному принципу. Эта модель также называется «конкурентная демократия». Ее сущность заключается во взаимном сдерживании, конкуренции, противодействии и сотрудничестве ветвей власти. Большое значение при этом (в том числе в законотворческом процессе) имеет институт лоббирования интересов определенных политических, экономических, социальных групп американского общества.

Американская конструкция разделения властей нам представляется состоящей из нескольких уровней. Первый из них (наиболее общий) – конституционно-декларативный. Его сущность довольно точно отражает позиция Верховного Суда США, сформулированная при рассмотрении одного из дел: «При всех очевидных недостатках, дефектах, проволочках мы не нашли лучшего способа сохранить свободу, чем делая осуществление власти подчиненным тщательно прописанным ограничениям, провозглашенным в Конституции» [5. С. 77]. К конституционно-декларативному уровню разделения властей относятся нормы-декларации, нормы-цели, устанавливающие основы конституционного строя США (это, например, статьи 1–3 и другие).

Другие уровни данной конструкции отражают собственно разделение властей: на федеральном уровне (второй уровень); на уровне штатов (третий уровень); на уровне графств (четвертый уровень).

Разделение властей на федеральном уровне при этом также имеет собственное деление. Кроме классической триады законодательной, исполнительной и судебной власти здесь необходимо принимать во внимание внутренние противовесы и разделение компетенции в Конгрессе США.

К ним можно отнести: во-первых, большое значение вспомогательных органов Конгресса, полномочиями которых является взаимодействие Конгресса с другими органами власти. В названных условиях, как справедливо отмечают ученые, например, «коммуникационное подразделение служит главным источником информации в отношениях между президентом и конгрессом» [4. С. 36–37].

Во-вторых, эта модель разделения властей предполагает собственные механизмы сдерживания, конкуренции и сотрудничества в самом Конгрессе США – как вертикальные, так и горизонтальные. Их наглядно описал А.М. Осавелюк: «Вертикальная система внутренних сдержек и противовесов парламента включает в себя различные подкомитеты, комитеты палат, палаты парламента, согласительные комитеты палат, наконец, сам парламента в целом. Каждый из указанных этажей имеет свой уровень компетенции и сферу деятельности. Если рассматривать функциональную деятельность органов разного уровня, то можно выделить горизонтальные структуры. Одним из уровней горизонтальной структуры могут быть, например, комитеты, большинство из которых специализируется по сфере деятельности <...> Система взаимоотношений между комитетами и подкомитетами, парламентские процедуры построены таким образом, что законопроект, подготовленный в недрах одного комитета или подкомитета, должен быть согласован с другими комитетами и подкомитетами, заинтересованными в его принятии. Причем, если не достигнуть согласия на более низком уровне (например, подкомитетов), то вопрос передается на более высокий уровень (комитетов)» [4. С. 40–41].

Для американского государства характерна известная особенность избирательного процесса – косвенные выборы. В частности, порядок формирования Палаты представителей Конгресса США зафиксирован в статье 1(2) Конституции США. В связи с этим неизбежно возникает вопрос о соответствии косвенных выборов высших должностных лиц идеалам правовой государственности. Для ответа на постав-

ленный вопрос можно обратиться к трудам ряда исследователей феномена свободы в его соотношении с англосаксонской (прецедентной) правовой системой. Это Б. Леони (труд «Свобода и закон»), М. Крепстон («Свобода»), Ф. Поллок («Деликтное право»), А.В. Дайси и др.

Так, Бруно Леони выступает вообще принципиальным противником понимания законодательного органа (например, парламента) как представителя интересов гражданина государства. Он отмечает наличие противоречия между системой представительства и личной свободой человека. При этом личная свобода, по нашему мнению, одна из важнейших составляющих правовой государственности. Б. Леони пишет: «Чтобы вернуть слову "представительство" его исходное значение, следует радикально сократить или количество тех, кого "представляют", или количество вопросов, по которым якобы осуществляется представительство, или и то, и другое... Последний вариант – это, по-видимому, единственный путь, который остался для личной свободы в наше время» [3. С. 35].

Исходя из нашей концепции правового государства, мы склонны утверждать, что процедура косвенных выборов сама по себе не противоречит теории правового государства. Главный вопрос заключается в отлаженности процедуры выборов и в соответствии каждого из ее промежуточных этапов основной цели – выяснению подлинного волеизъявления граждан. Форма реализации этой задачи оказывается второстепенной.

Данное суждение одновременно не должно рассматриваться как оправдание злоупотребления правом со стороны власти, когда последняя, зачастую открыто игнорируя правовые категории свободы и принадлежности верховной власти народу, оправдывает таким образом свои неправовые действия, даже и основанные на изданном ей законе (такие действия всегда не соответствуют *правовому* закону).

Разделение властей, механизм сдержек и противовесов в современном правовом государстве призваны обеспечить главную ценность демократического об-

щества – права человека. Конституция США не является исключением из этого правового тренда. Так, демократический характер выборов Палаты Представителей (фактически – принадлежность законодательной власти народу) подчеркнут в статье 1(2) Конституции США. Обширные права (полномочия) Конгресса как законодательного органа власти зафиксированы в статье 1(8) Конституции США. Шестая поправка к Конституции США, защищая право граждан на безопасность, запрещает проводить необоснованные личные досмотры и обыски в жилищах (без ордера). Пятнадцатая поправка к Конституции США установила всеобщее равное пассивное избирательное право, реализуемое независимо от расовой принадлежности. Запрет половой дискриминации в этой сфере был установлен позже девятнадцатой поправкой [8; 9; 10].

Законодательство США также подчеркивает приоритет прав и свобод человека и гражданина, в некоторых случаях ограничивая даже полномочия суда в сфере сужения гражданских свобод. Примером этому может служить Закон Норриса–Лагардия (от 20 марта 1932 г.) о пределах полномочий суда в конфликтных отношениях работников (их объединений) и работодателя [7. С. 446–447].

Описывая закон Норриса–Лагардия, известный юрист и исследователь феномена свободы с правовой точки зрения Бруно Леони отмечает сходство его с английским Актом о профессиональных союзах 1906 г. Он отмечает неоднозначность ситуации, предшествовавшей принятию закона и ставит под сомнение предвзятое отношение английских и американских судов того времени к профсоюзам. К последним суды применяли те же правовые принципы, что и к остальным гражданам, отмечает Б. Леони. Он подвергает критике последовавший за этим Закон Вагнера (Wagner Labor Relations Act), полагая, что он внес в данную сферу дополнительную «терминологическую путаницу», связанную с толкованием и соотношением терминов «свобода» и «вмешательство» [3. С. 55–56].

Защите конституционных прав и сво-

бод в настоящее время служит также институт омбудсмана – уполномоченного по правам человека. В некоторых штатах (например, штат Гавайи) омбудсмен имеет иммунитет от судебного преследования в связи с исполнением своих обязанностей. Этот иммунитет приравнен к иммунитету судьи штата. За уклонение от исполнения решений омбудсмана предусмотрены высокие штрафы [11; 6. С. 132].

Рассматривая ряд классических атрибутов правового государства, отраженных в Конституции США 1787 г., например, принадлежность высшей (верховой) власти народу, наличие реально реализованного разделения властей, правовая свобода членов гражданского общества и т.д., невозможно обойти вопрос их философско-правовой природы. Это всегда вызывает определенные затруднения, тем более если мы говорим об анализе конструкции атрибутов правовых государств, принадлежащих к англосаксонской правовой семье.

Здесь нельзя не согласиться с Бруно Леони, который обратил внимание на важнейший момент, служащий источником противоречий: невозможность перевести отдельные слова англоязычного текста (Б. Леони, указывает, например, такие как *trust*, *equity*, *common law*) по причине отсутствия их синонимов [3. С. 45], в частности, в русском языке. Зачастую, чтобы описать то или иное англосаксонское правовое явление (институт), необходимо использовать несколько предложений, и даже проводить небольшой экскурс в историю, например, английского права. Однако и это не может послужить гарантией доведения до слушателя реального смысла того или иного института (явления). В этом смысле для России наиболее характерны сложности с пониманием правового смысла (а не правовой формы как системы правовых норм) категории *trust* (траст, доверительная собственность), особенно если это необходимо объяснить лицам, не имеющим специальных знаний в области юриспруденции.

Более того, при описании системы разделения властей в современных США вполне логично задаться тем же вопросом,

что и Б. Леони: являются ли близкими по значению категории «правление права» (особенно в Великобритании) и «правовое государство», для которых в различных языках используются термины Rule of law, Rechtsstaat, état de droit, stato di diritto. Б. Леони приходит к выводу о различной правовой природе этих категорий. Проблема заключается в том, полагает Б. Леони, что английскую систему правления права (Rule of law) ошибочно стали приписывать для описания континентальных правовых институтов, исказив ее сущность.

Принципиально ли соотнесение правления права и правового государства? Представляется, что это имеет большое значение, поскольку позволяет разрешить противоречие между различными правовыми способами реализации правовой государственности. Таким образом, формируется концепция глобального правового государства, в основе которого лежат единые для всего человечества принципы, ценности и атрибуты, наличие или отсутствие которых вполне определенно указывает на характер политического режима того или иного государства независимо от его географического местоположения. Способы достижения идеалов правового государства могут отличаться от государства к государству. Однако общая направленность этих способов и правовые рамки их использования позволяют установить определенную степень единообразия правовой реальности.

Концепция глобального правового государства синтезирует основные положения английской теории правления права (Rule of law) и одновременно, критически оценивая теорию правового государства, обогащает ее отдельными элементами. Одним из универсальных атрибутов концепции глобального правового государства является правовая свобода.

Правовая свобода как концептуальная основа американского государства отражена в преамбуле к Конституции США, которая прямо указывает на то, что она принимается во имя свободы народа Соединенных Штатов и последующих поколений (потомков). Смысл правовой сво-

боды заключается, как минимум, в следующих утверждениях (действиях): а) осознание ограниченности собственных прав, свобод и законных интересов аналогичными правовыми притязаниями других лиц; б) добровольное следование правовому закону по причине восприятия его как формальной справедливости.

Реализация принципа правовой свободы немыслима без фундаментальной основы правового государства, которую описывает Бруно Леони в своем труде «Свобода и закон» – определенность закона. Конечно, индивид не может нормально планировать свое поведение в условиях постоянно меняющегося закона, поскольку возможна ситуация, когда действие, которое являлось правомерным еще вчера, буквально завтра по воле законодателя становится противоправным, поскольку сам закон оказывается изменен. В этом заключен недостаток системы законодательства государств романо-германской правовой семьи, основанной на писаном праве. Норму права практически невозможно сформулировать таким образом, чтобы она была актуальна независимо от меняющейся обстановки, в том числе с учетом научно-технологического прогресса.

Для реализации этого принципа Конституция США установила разделение властей, дополненное механизмом сдержек и противовесов, которое позволяет поддерживать закон в состоянии определенности и пресекать попытки его неправомерного толкования или необоснованного изменения. Первым звеном, отсекающим неправомерные инициативы по неправомерному изменению закона, может быть признана сама американская законодательная процедура, широкое использование согласительного механизма при наличии противоречий при принятии закона Конгрессом. Здесь также необходимо принимать во внимание институт лоббирования интересов. Рассматривая его с точки зрения юридической науки, и тем более в контексте теории правового государства, необходимо избегать тенденциозных и политизированных негативных оценок этого института. Некорректные

выводы делаются, как правило, в связи с неприятием критикующим интересов той или иной группы.

Для теории глобального правового государства институт лоббирования интересов является одним из атрибутов, обеспечивающих согласование интересов отдельных групп лиц и слоев общества при принятии принципиально важных для государства решений. Соответствие его праву заключается в том, что он содействует воплощению правовой формулы «право есть формальная мера справедливости». Правовая справедливость предполагает наличие определенного уровня социального неравенства. Институт лоббирования интересов дополнительно наглядно иллюстрирует возможность принятия решения теми лицами, которые имеют больший авторитет в той или иной сфере общественной жизни. Не соответствующей праву в этом случае будет только такая ситуация, при которой определенная группа законодателей, выступающих за принятие того или иного решения, имеет мотив корыстной заинтересованности. Под корыстной заинтересованностью мы понимаем исключительно получение взятки в той или иной (любой – материальной и нематериальной) форме за лоббирование конкретного решения. Иные случаи, в абсолютном своем большинстве, будут соответствовать праву как мере формальной справедливости.

Так, наличие «конфликта интересов» (например, когда законодатель ранее был членом совета директоров корпорации), с нашей точки зрения, не противоречит праву в смысле духа всеобщей справедливости и конституционной декларации, если не доказан факт корыстной заинтересованности законодателя. Такой опыт работы законодателя в конкретной корпорации может быть признан факультативным элементом механизма сдержек и противовесов, поскольку обеспечивает определенный уровень профессионализма в системе лоббирования интересов.

Вторым звеном американской системы разделения властей и механизма сдержек и противовесов является судебная власть, исправляющая ошибки как зако-

нодателя (в части соответствия нормативного правового акта основам конституционного строя), так и правоприменителя. К последним относится вынесение неправовых решений, то есть таких, которые формально могут быть основаны на правовом законе, но содержат в себе неверное решение по конкретному делу, и таким образом лишаются правового характера. Прецедентный характер правовой семьи дополнительно способствует значительно большей гибкости правосудия, чем в романо-германской правовой семье, основой законодательства которой служит писаная норма права.

Не следует, тем не менее, идеализировать прецедент как правовое средство. Он должен признаваться скорее исключением, формирование которого было обусловлено в первую очередь историческими особенностями становления соответствующих государств. Особенно это заметно на примере Великобритании, правовая система которой за несколько столетий приобрела вид отлаженного механизма (в положительном смысле этого слова). Особенности правовой системы Великобритании оказали влияние на становление права ее колоний, впоследствии ставших независимыми государствами. Сравнение ее правовой системы с континентальными европейскими не будет корректным хотя бы потому, что, как замечает Карлтон Кемп Аллен, в Англии никогда не существовало разделение властей (см., напр., Carleton Kemp Allen. *Aspects of Justice*, 1958) [З. С. 76–77].

В связи с изложенным, специфика американской модели разделения властей, обусловленная историческими особенностями становления государственности и, в частности, тесной связью с английским государством и правом, требует дальнейшего внимательного и непредвзятого анализа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бюер В.М., Городинец Ф.М., Григорис Э.П. [и др.]. Правовое государство: Реальность, мечты, будущее / под общ. ред. В.П. Сальникова. СПб.: Алетейя, 1999. 246 с.

2. *Джефферсон Т.* Автобиография. Заметки о штате Виргиния. Л.: Наука, 1990. 341 с.
3. *Леони Б.* Свобода и закон / пер. с англ. В. Кошкина; под ред. А. Куряева. М.: ИРИСЭН, 2008. 308 с.
4. *Осавелюк А.М.* Вспомогательные государственные органы зарубежных стран: конституционно-правовой аспект. М.: Юристъ, 1998. 192 с.
5. *Харрелл М.Э., Андерсон Б.* Равное правосудие на основе закона: Верховный Суд в жизни Америки / пер. с англ. Г.А. Гаджиева, С.А. Кузнецовой. М.: Манускрипт, 1995. 143 с.
6. *Хиль-Роблес А.* Парламентский контроль за администрацией (Институт омбудсмена) / пер. с исп. А. Казачкова. М.: AD MARGINEM, 1997. 335 с.
7. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран / под ред. К.И. Батыра, Е.В. Поликарповой. В 2-х т. Т. 2. М.: Проспект, 2011. 520 с.
8. Bill of Rights // National Archive official web site. URL: http://www.archives.gov/exhibits/charters/bill_of_rights_transcript.html (дата обращения: 11.11.2014).
9. Constitution of the United States // National Archive official web site. URL: http://www.archives.gov/exhibits/charters/constitution_transcript.html (дата обращения: 11.11.2014).
10. Constitution of the United States: Amendments 11-27 // National Archive official web site. URL: http://www.archives.gov/exhibits/charters/constitution_amendments_11-27.html (дата обращения: 11.11.2014).
11. Hawaii Revised Statues. Chapter 96. The Ombudsman // Hawaii State Ombudsman's official web site. URL: <http://ombudsman.hawaii.gov/about-us/chapter-96/> (дата обращения: 16.11.2014).